

ВЫДАЮЩАЯСЯ СОВЕТСКАЯ БАЛЕРИНА

МАРИНА Тимофеевна Семенова была кумиром целого поколения зрителей и танцовщиков, а в историю хореографии вошла как великая балерина ослепительно яркого дарования. Всем своим творчеством она утверждала классику, возвысившую жизнь, ее радости и гордости до глубокого обобщения.

Что особенное, неповторимое в искусстве М. Семеновой? Почему те, кто видел ее в роли Одетты, Авроры, Никии, Раймонды, Дианы Мирель, не могут забыть ни одного движения, сделанного балериной на сцене. Дело в том, что все созданные ею образы, даже совершенно разные по характеру, каждый раз совершенно сливались с сущностью балерины. А сущность и характер образа были целиком и полностью выражены в пластике тела.

Ученики хореографического

училища 30-х годов, мы были участниками многих спектаклей, где выступала Марина Тимофеевна. Затаив дыхание, мы следили за баядеркой — М. Семеновой в сцене оведавшего шествия, где Никия погибает от руки богатой соперницы Гамзатти. Появление балерины было ошеломляющим, весомым, скульптурным. Гладко причесанная голова без украшений, костюм, не расчлененный деталями и сливавшийся с плавными линиями тела, довершал образ баядерки. Сила волевой, земной, бескомпромиссной любви Никии к Солору вселяла уважение и благоговение.

Движения М. Семеновой в этой партии лились, как звуки виолончели, беспредельными, как цепи гор, волнами. Вместе с тем это не была непосредственная пластика чувства. Нет, здесь обрели свое лоно отработанные веками законы хореографии.

Простые движения па-де-баска на пальцах и вращения в арабеске в конце вариации в интерпретации балерины имели огромное количество оттенков. Оно нарастало по настроению, выражая радость надежды, увеличивалось в динамике, ширилось, превращалось в радость бытия вообще, которая — увы! — в этой ситуации была дорогой на эшафот. По приказу Гамзатти в цветы, посланные Солором, кладут змею, от укуса которой умирает Никия. Как прекрасна чинара, с высоких пальцев М. Семенова падает навзничь замертво. В этом падении было столько же мастерства, сколько и чувства.

Вспоминая тех или иных танцовщиков, видишь отдельные яркие стороны их исполнения: выразительность рук, пластичность корпуса, яркую технику. О Марине Семеновой можно сказать, как о любимом человеке. Я ее люблю за ее самое. Гармония всех ее движений была столь прекрасна, что она воспринималась зрителями как проявление чего-то близкого, естественного и первозданного.

Появление М. Семеновой в 1930 году в Большом театре было равносильно разорвавшейся бомбе. На спектакли с ее участием невозможно было достать билеты. Толпы поклонников и поклонниц осаждали театр. Было ли это вызвано только дарованием Семеновой? Нет.

Марина Тимофеевна была балериной совершенной и законченной классической школы, которую ей дала А. Я. Ваганова.

Появление М. Семеновой — Авроры в балете «Спящая красавица» я помню так, как будто это было вчера.

В ослепительно-розовой пачке, открывающей чудесной красоты ноги, форму которых не испортила балетная тренировка, с изящным изгибом шеи и грациозной позировкой рук, она была сказочной принцессой — звездой, упавшей с неба. Адажио с

кавалерами исполнялось ею с блеском туров и неожиданно — остановок, оно имело характер шаловливой импровизации, молодой, прелестной, избалованной принцессы, знающей себе цену. В ее движениях были уверенность и весомость, сравнимые с гимном в честь молодости, красоты и счастья. И контрастом становилась ее неожиданная гибель. Жизнеутверждением и радостью бытия, отраженными в образе Авроры, М. Семенова прокладывала мостик к оптимистическому концу балета и великолепно выражала замысел П. Чайковского.

Сцена дриад и адажио и вариация третьего акта потребовали бы подробного, но невозможного в рамках статьи разбора. Достаточно вспомнить чисто русские интонации ее движений в вариации, чтобы оценить музыкальную одаренность балерины. Здесь уже была Аврора, русская душа, выразившая национальное чувство музыки П. Чайковского.

Одетта — Семенова была царственно прекрасна. Ее первое появление, первые взмахи крыльев, маленькие шаги и прыжок создавали экспозицию образа. Кто видел хоть однажды женственный поворот ее головы, как бы прячущейся под крыло, вряд ли его забудет. Адажио, где кантилена движений сменялась полетом, разрезающим воздух, и стремительными турами, проводилось балериной на одном дыхании. Финальная поза арабеска была скульптурно завершенной точкой адажио, после которой зрительный зал прорывался бурей аплодисментов.

Третий акт все ждали с замиранием сердца, готовые к ярким танцевальным и актерским краскам Одиллии — Семеновой, экспромтам поз, основанных на логическом завершении ее движений. Очевидно, великим мастерам балета свойственно творить на сцене, а не только повторять заученные движения. Эти неожиданные находки, как и искусство балетмейстера, развивают хореографию.

У Марины Семеновой как раз сочеталась точность выполнения партитуры танца с неожиданной импровизацией, мастерство с непосредственностью. Об Одиллии Семеновой вообще писать слишком трудно: просто не хватает слов и красок. Об этом могли бы сказать фанфары труб, масштабы стихов Маяковского. Семенова — Одиллия — это не демонический, злодейский образ, а женщина, которая готова на все ради того, чтобы завоевать, завожжить Принца. Земное, женское начало было в ее исполнении главным. И женская зрелость Одиллии побеждала юные чары Одетты.

Чувство стиля, свойственное М. Семеновой, определявшееся великолепным знанием живописи и скульптуры, вместе с тем

никогда ни сводилось к стилизации. Актриса в «Пламени Парижа» — это балерина королевского балета Диана Мирель, исполняющая в Версале пасторальную интермедию, и женщина из народа на площади Бастилии — две контрастные и точные краски. Первая — как бы сошедшая с произведений Ватто, Буше или французских гобеленов, вторая — с полотен Давида и Делакруа. На площади с трехцветным знаменем в руках Диана — Семенова была воительницей, в образе которой смелый рисунок танца в подержках был наполнен пафосом июльских дней.

М. Семенова в хитоне напоминала греческую скульптуру Менады, ее движения, какими бы сильными они ни были, не ломали классической основы, идущей от греческой скульптуры. Вместе с тем умение отказаться от привычной логики, понять необходимость и новизну необычных положений тела современных ей балетмейстеров было свойством одаренного человека. Это качество с особой яркостью проявилось в М. Семеновой-педагоге. Умение ее работать с балеринами и балетмейстерами 60-х годов, исповедующих новые эстетические позиции, поразительно.

Марина Тимофеевна Семенова современна сейчас так же, как и тогда, когда она была властительницей дум 30—50-х годов. Ее работа в театре просматривается сквозь великолепную балетмейстерскую работу Юрия Григоровича и других современных хореографов, сквозь культуру и естественность движений ее учеников, большинство из которых занимает в театре ведущее положение.

В класс к Марине Тимофеевне попадают и молодые балерины, и уже маститые, а иногда и переучивающиеся, начинающие все сначала, как в первом классе, — с постановки корпуса. Но зато всю свою последующую и уже удлинненную этим сценическую жизнь они благодарят педагога за ту правильность, органичность и удобство движений, которые они приобретают у нее.

Невозможно описать в статье все роли и танцы, которые Марина Тимофеевна станцевала за свою сценическую жизнь. За 30 лет своей сценической деятельности скольким людям, сидящим в зрительном зале, она дарила счастье восприятия прекрасного! В ее лице зрители видели положительную героиню, утверждавшую право на жизнь и молодость, красоту счастья и мужества. Многие героини ее погибали, но всегда оставались непобежденными.

Марина Семенова — балерина, создавшая сценические образы вечной и торжествующей красоты. Они национальны и социальны в своей основе и потому всегда современны и истинны.

М. БОГОЛЮБСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР.

На снимках (сверху вниз): М. Семенова в партиях Никии («Баядерка»), Жизелей и Одетты («Лебединое озеро»).

ДОРОГАЯ МАРИНА ТИМОФЕЕВНА!

Нам очень трудно выразить словами все то, что мы чувствуем и хотели бы Вам сказать.

Нам очень повезло! Мы были свидетелями блистательной сценической деятельности балерины Марины Семеновой, которая стала эпохой русской хореографии. Ваш талант щедр! И вот уже его новая грань: Семенова — педагог. Каждое утро мы слышим: «Встали, плее». Начинается очередной урок. Простые, доходчивые слова, но сколько в них знания, образности, умения передать необходимое ощущение движения! Вы обладаете проницательным, зорким глазом, сразу определяя главное и основное. Вы очень чутки к ученикам, всегда точно угадываете их физическое и эмоциональное состояние.

Неистощима ваша фантазия и необычайно умение раскрасить каждое па, и классные комбинации ча-

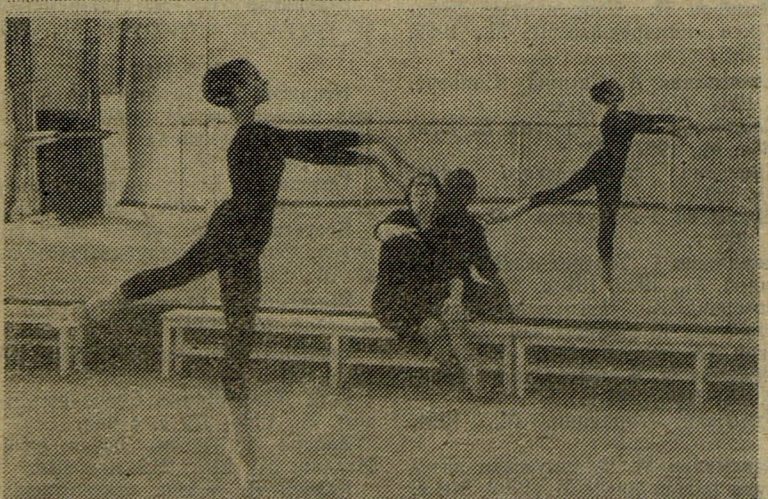
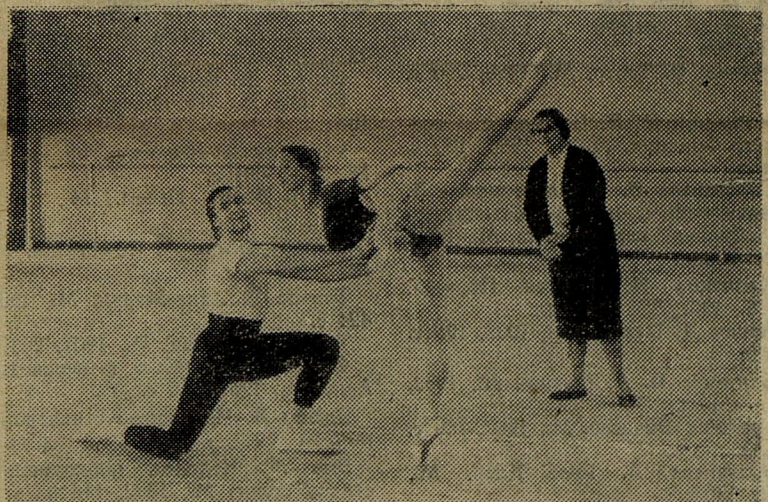
сто выглядят как законченные сценические миниатюры.

Вы, дорогая Марина Тимофеевна, остро чувствуете современность. Не случайно Вы — участник всех новых работ театра. Встреча с новым композитором, новой хореографией, новым исполнителем всегда увлекают Вас. Поиск, раздумье — вот ваше существо.

Работая с балеринами, создавая Жизелей, Аврор, Одиллий, Фригий, Вы никогда не повторяетесь, глубоко чувствуете индивидуальность каждой танцовщицы, как скульптор, оттачиваете каждое положение, добиваясь красоты линий, гармонии всего тела.

Работая с Вами, нельзя не быть увлеченной и влюбленной в свою работу.

Дорогая Марина Тимофеевна! Пусть ваш талант и ваши знания обогатят еще не одно поколение исполнителей! Ваши 50 учени-

На снимках (сверху вниз): М. Семенова в тренировочном классе и на репетициях с М. Плисецкой, Н. Фадеевым и Н. Бессмертной.

«Советский артист» 2 июля 1989 г.